

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

**Абрамов
Михаил
Геннадьевич** —
кандидат психоло-
гических наук, ди-
ректор по персоналу
ООО “Андерс Теле-
ком”. Постоянный
автор журнала.
E-mail: m4mletsdoit
@gmail.com

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СОЗНАНИЯ:

СЛИТНОСТЬ VS ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

© 2016

М.Г. Абрамов

В последнее время активизировалось обсуждение проблем сознания. Одна из причин роста интереса связана с уникальностью индивидуального сознания и недоступностью многих его фреймов стороннему наблюдателю. С другой стороны, слитность субъекта и объекта вынуждает ограничиваться исследованием отдельных функций сознания, например, мышления или различных продуктов сознательной деятельности людей.

При всем разнообразии результатов, достигнутых таким образом, они не поддаются глубокому обобщению ввиду латентной установки, согласно которой объект *противостоит* субъекту в ходе предметно-практической деятельности и общения [2;5; 6;7]. На этом же базируется и известный культурно-исторический подход с его непреложной доминантой знаковых систем и как закономерный итог — концепция вербально-логического сознания. Противоположной парадигме *слитности* субъекта и объекта познания противостоит давнее и мощное их разведение в научной, философской и даже эзотерической мысли.

При всех своих различиях оба подхода основываются на *данности* сознания, что делает бессмысленным разговор о его механизмах, и *действенности* (активности) сознания, что и позволяет с головой погрузиться в анализ богатейшего эмпирического материала, касающегося продуктов деятельности человека. Создаваемые таким образом конструкты принципиально не способны выйти за пределы самого сознания, разве что путем вычленения из него бессознательного, что с блеском проделали в свое время, каждый по-своему, Фрейд и Юнг. В итоге сознанием часто объявляется то, что им заведомо не является. Например, некие феномены, недавно считавшиеся бессознательными, или процессы высшей нервной деятельности, или высшие психические функции. Так то, что фиксируется мышлением или, тем более, облакается в слова, сознанием не является, будучи в лучшем случае его следом, а в худшем — поверхностным обобщением (в интроспективном духе) элементов чувственно-рационального опыта [7].

На первый взгляд и дифференциация, и слитность субъекта и объекта мало что дают в плане методологии исследования сознания. Дифференциация оправдывает себя при структурно-функциональном подходе в психологии в отношении таких процессов, где различие субъекта и объекта явно выражено и не требует обоснования и, тем более, введения дополнительных условий, выходящих за рамки эксперимента. Таковы, например, многочисленные исследования памяти, восприятия, внимания и пр. Здесь удается “очистить” предметы от сознания или намеренно пренебречь его влиянием, о чем свидетельствует множество работ в области произвольных и произвольных психических процессов соответственно. Но в целом усилия по устранению наблюдателя из эксперимента не приводят к осязаемому результату. С выходом на интегральные феномены, такие, как личность и интеллект, игнорировать сознание становится все труднее, не говоря уже об изучении его самого. Поэтому закономерно встает вопрос о выделении таких областей знания, где субъект, в принципе, не отделим от объекта, и, соответственно, об их слитности [11].

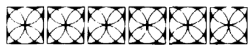
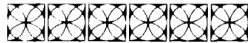
Но это лишь первый шаг.

С точки зрения возможных путей преодоления указанных трудностей, нужно обратить внимание на два момента. С одной стороны, на гипотезу о принципиальной неслитности субъекта и объекта по временному основанию и хронотопу (Л.А. Ухтомский, М.М. Бахтин). С другой, на целесообразность введения в анализ синтетического объекта — “информации”, с дальнейшим рассмотрением гипотезы о том, что по информационному основанию субъект и объект могут, как различаться (вне активности сознания), так и сливаться, оставаясь неотжественными друг другу (во время акта сознания). Рассмотрим первую гипотезу.

В значительной мере кризис в методологии изучения сознания вызван приверженностью концепции хронотопа, не способной раскрыть сложнейшие и процессуальные явления душевной жизни человека в диапазоне **микрогенеза**, в бесконечно малых интервалах времени. Об этом, в частности, говорит отсутствие прогресса в изучении инсайта — интуитивного озарения, тогда как последовательное дискурсивное мышление изучено достаточно хорошо.

Сегодня при анализе проблемы сознания принято утверждать единство субъекта и объекта, неотделимость одного от другого. На деле, при хронотопическом понимании реальности, это в принципе неосуществимо.

Начиная с Вундта с его “фокусом сознания” до Мамардашвили, сравнившего сознание со “вспышкой” на фоне относительно размеренного функционирования психики, в психологии укоренилось понимание *привилегированности* данностей сознания. Во-первых, в том смысле, что оно возникает, а не наличествует подобно остальным психическим процессам.

Возникает в филогенезе в результате появления коллективного труда и языка. Возникает в онтогенезе — как единство знания и отношения к миру, и в актуалгенезе — как “обостренное чувство присутствия и ясности происходящего” [10, с. 61]. Другой аспект привилегированности состоит в том, что сознание занимает исключительное место в иерархии психических процессов, являясь “высшей формой психики” [8].

Но, разделяя подобным образом сознание и общепсихические процессы, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что субъект как носитель психики далеко не всегда “совпадает” с объектом, если под ним понимать сознание. А в предельном случае они и вовсе не совпадают.

В самом деле, рассмотрим некий идеальный эксперимент. Предположим, нам известно, когда произойдет “вспышка” сознания, и мы в состоянии объективно ее зафиксировать. Очевидно, что за бесконечно малый промежуток времени до момента своей актуализации сознания *еще не было*, а спустя бесконечно малое время после фиксации, его *уже не стало*. По крайней мере, если речь идет об одном и том же состоянии сознания, хотя, конечно, это не исключает других его состояний и до, и после контрольной точки. Приближение к точке вероятного совпадения субъекта-носителя сознания и объекта-сознания путем последовательного деления интервала времени в окрестностях контрольной точки, указывает на асимптотический характер сближения субъекта и объекта. Остается понять, будет ли достигнуто их совпадение хотя бы в самой “привилегированной” точке.

Здесь следует обратить внимание на парадокс, известный в философии еще со времен Сократа, сформулированный в поздней трактовке так: “если я нечто фиксирую как факт моего сознания, то я уже не в этом состоянии сознания, и я, следовательно, уже не “я” и так до бесконечности” [7, с.49]. То есть, фиксация объекта (сознания) в определенной точке на временной оси означает в то же время, что субъект (носитель сознания) смещен относительно этой точки. И это будет происходить всякий раз при рассмотрении очередного момента вероятного совпадения субъекта и объекта. Таким образом, применительно к проблеме сознания есть основания считать, что субъект и объект не совпадают в принципе.

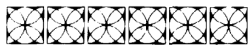
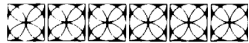
Однако речь до сих пор шла об идеальном эксперименте, а как в этом смысле обстоят дела на практике? Абстрагируясь от критерия “совпадения”, здесь также можно видеть: при последовательном делении интервала времени, на бесконечно малых его промежутках, субъект не будет совпадать с объектом. В жизни — это, например, трудноуловимый переход от сна к бодрствованию и наоборот. Только что нам снился яркий сон, и вот мы уже припоминаем детали, переживаем по-своему, но это уже не те, первоначальные переживания, которые имели место в момент пробуждения, непосредственного “прихода в сознание”.

Что касается несовпадения субъекта и объекта *в пространстве*. Оно менее очевидно, но тоже имеет место, если вспомнить притчу о “медленной черепахе”, опережающей на дистанции бегуна, и применить принцип бесконечно малых пространственных величин. Но это, скорее, гимнастика для ума. Ясно, что, по крайней мере, в отношении сознающего себя человека вопрос “совпадения” в пространстве субъекта и объекта лишен практического смысла, ведь неизвестна локализация ни того, ни другого. Ни вообще, ни в отдельно взятый момент времени.

Подробно рассмотрев — насколько это было возможно, вопрос о слитности субъекта и объекта в проблематике сознания, стоит остановиться на другом подходе, в котором они противопоставляются друг другу. В этом случае на первый план традиционно выходит такое качество субъекта, как *активность*, рассматриваемое в различных онтологических и гносеологических аспектах, соответственно, в разрезе предметно-практической и (само) познавательной деятельности. Попробуем показать, что изначальное противопоставление субъекта и объекта отнюдь не исключает их сближения впоследствии.

Существует элемент относительности, заложенный в понятиях “субъект” и “объект” и отражающий социальную природу человека [1]. Субъект и объект постоянно меняются местами в зависимости от ситуации и складывающихся отношений с реальностью. И всякий раз происходит перераспределение активности от деятельного (по определению) субъекта к относительно пассивному объекту. В кантовском, разумеется, понимании превращения “вещи в себе” в “вещь для меня”. И именно противопоставление субъекта и объекта — как взгляд на картину с определенного расстояния, позволяет многое прояснить в их взаимодействии.

Например, рефлексивное самопознание и, тем более, осознание собственного “Я”, в истоках своих очевидным образом предполагают наделение активностью субъекта как носителя психики; собственная личность и сознание в этом случае выступают объектом. Но результат в столь сложном деле не может быть получен в готовом виде, одномоментно, чтобы там не говорили о роли катарсиса. Самопознание и осознание себя — более или менее длительный, четко выраженный и многократно обусловленный процесс, допускающий по мере своего развертывания не одну смену субъекта-носителя психики (и сознания в том числе) и объекта-сознания. Каждому человеку знакома ситуация, когда сознание становится полномочным субъектом, направленным на уникальный объект — собственного носителя. И вот мы уже видим или позитивные изменения и личностный рост или, напротив, негативные трансформации личности, деструктивные и даже патологические процессы. Кстати, именно они дают наглядное представление о действенности механизмов противопоставления (точнее сказать — конфликта) субъекта и объекта [3], которые, таким образом, еще рано списывать со счетов в исследованиях сознания на фундаментальном уровне.

Однако четким позиционированием субъекта и объекта (в сочетании с возможностью содержательного описания каждого из них) мыслимые комбинации, возникающие по ходу их противопоставления, не исчерпываются. Нередко можно встретить взаимодействие по типу “субъект-субъект”, отражающее известную в психологии борьбу мотивов, один или несколько из которых осознаются лучше остальных. Наиболее сложна в понимании ситуация, когда носитель психики и его сознание одновременно (и это важно!) выступают в роли объектов. Но если рассмотреть данную коллизию по отношению к чему-то внешне положенному, то многое проясняется. Общество, например, может выступать в данном случае тем самым, “недостающим” субъектом, неустанно осуществляющим свою историческую миссию активного формирования бытийного, прежде всего, и рефлексивного планов индивида.

Следуя той же логике — искать критический момент функционирования сознания *вне его носителя*, мы приходим к необходимости использования в анализе синтетического объекта, медиатора, способного в равной мере опосредовать как субъектную, так и объектную реальность, а также реальность их взаимодействия на уровне микрогенеза. Остается сформулировать, хотя бы предварительно, критерии выделения такого объекта.

Повторимся, едва ли не основным критерием является то, что медиатор должен соотноситься и с произвольно выбранным объектом и с наугад взятым субъектом, а также с соответствующим субъект-объектным планом. То есть, медиатор должен представлять собой явление всеобъемлющего характера, свойственного (в идеале) всем четырем известным сферам бытия: живая и неживая природа, социум и духовная жизнь человека.

Далее, с точки зрения результата процесса противопоставления субъекта и объекта — в различных его вариациях, о которых говорилось выше, — и развитое самосознание, трактуемое как достижение идентичности (Э. Эриксон), и формирование подлинной, т.е. самостоятельной и ответственной личности (А.Н.Леонтьев), и обретение самости [К. Юнг] — все это есть не что иное, как отражение близости (но не тождественности) субъекта и объекта. Но что в итоге обеспечивает их сближение, сохраняя при этом самобытность каждого?

Известно, что твердость алмаза и графита соотносится между собой через их воздействие на стекло. Оно выступает в данном случае привлеченным извне, синтетическим объектом, обладающим самостоятельной сущностью и бытийностью, отличными от прочих материалов, участвующих в тесте. Вместе с тем и это важно — стекло не имеет собственного гносеологического значения, поскольку не ставится задача изучения его самого в ходе опыта. В этом смысле стекло — нейтральный [инертный] объект, способный, тем не менее, по отдельности характеризовать графит и алмаз, добавляя в их содержательность новые свойства, и, что особенно важно, соотносить их между собой, указав меру сходства и различия.

В отношении субъекта-носителя психики (включая сознание) и объекта-сознания таким синтетическим объектом может выступать информация. Сегодня очевидно, что, несмотря на отсутствие материального носителя, это вполне самостоятельная и действенная сущность, опосредующая природный, социо-культурный и духовный контексты существования человека. Она нейтральна по отношению к рассматриваемым категориям — в смысле равных возможностей описания с ее помощью, как субъекта, так и объекта. Но соотносится с ними обоими, характеризуя каждого по отдельности и их взаимодействие, благодаря своим фундаментальным свойствам — новизне и релевантности. Новизну при этом мы связываем с устройством центральной нервной системы человека, включающей нейроны новизны и качества [4], и основными принципами функционирования психики [9], а релевантность [уместность, значимость] однозначно соотносим с функциями смыслообразования и целеполагания, являющимися, как известно, общепризнанными атрибутами сознания [5; 6].

Итак, как можно было убедиться, попытки “развести” или, наоборот, “склеить” субъекта и объекта в проблематике сознания, на деле оборачиваются близостью этих, казалось бы, диаметрально противоположных подходов. Однако данный результат вполне закономерен, поскольку в полной мере отражает единство и целостность сознания, не считающегося в своих проявлениях с априорно заданными рамками, позициями и установками.

Литература

1. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. М.: Проспект, 1999.
2. Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войсунского. М.: Можайск-Терра, 2000.
3. *Зейгарник Б.Ф.* Патопсихология. М.: Изд-во Московского университета, 1986.
4. *Измайлов Ч.А., Шехтер Е.Д., Зимачев М.М.* Сознание и его отношение к мозговым информационным процессам // Вестн. моск. ун-та. Сер. 14. Психология. № 1. 2001.
5. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.
6. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.
7. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997.
8. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко; Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1999.
9. *Симонов П.В., Ершов П.М.* Темперамент. Характер. Личность. М.: Изд-во Московского университета, 1984.
10. *Стрелков Ю.К.* Психологическое содержание операторского труда. М.: Российское Психологическое Общество, 1999.
11. *Швырев В.С.* Проблемы философии образования и современная неклассическая рациональность // Мир психологии. 1999. № 3 [19].